

Надеялся ли сам Петрарка, что многие пойдут вместе с ним по этому пути? На этот вопрос вряд ли можно ответить. Безусловно, он колебался между надеждой и унынием. В одной знаменитой фразе из «Вещей, достойных упоминания» («Res memorandae») (1,2, ст. «Plinius Secundus»), слишком часто комментируемой вне контекста, Петрарка предстает словно «на границе двух народов и одновременно смотрит назад и вперед». Народы, которые одновременно обнаружил *Hermes bifrons* (двулобый Гермес), сохраняющий их отныне в определенных пределах, получили много наименований. Говорят, что в тот день в приливе внезапного ясновидения Петрарка увидел себя в гуще народа средних веков и народа Возрождения, на границе мертвого прошлого и живого будущего. Но он думал о других народах. Позади него — блестящие авторы античности и счастливые поколения,

551

1. Возвращение литературы в Италии

щедро наделенные их произведениями, затем поколения, которые из-за нетерпимого равнодушия утратили бесценные *codices* (кодексы), выработанные для них ценой невероятных усилий: творчески бесплодные сами по себе, эти люди были не способны хотя бы сохранить это ценнейшее наследство, чтобы передать его потомкам; перед ним — люди, которым было больше нечего читать, если, как можно опасаться, все шедевры прошлого погибли. Между теми и другими народами стоит Петрарка — на границе людей, которые еще что-то знают, и бесчисленного народа, который не узнает больше ничего. «*Si, ut auguror, res eunt*»*, — пишет Петрарка. Ибо дела плохи. От Цицерона к отцам и до самого Боэция плывет величественный флот античной культуры, унаследованной от Рима. Вдруг, в IX веке, появляется франкская империя Карла Великого. Эти безграмотные люди, которые говорят о «*translatio studii*»**, как будто латинское знание внезапно покинуло Рим, чтобы переселиться в Париж, пишут на языке, который они называют латинским, но который представляет собой лишь варварский жаргон, не понятный как Цицерону, так и отцам Церкви. Все теряется, в том числе красноречие, а с ним — и мудрость, от которого она неотделима; исчезает это знание, самое благородное и священное из всех, — или по крайней мере оно было бы таковым, если бы наше растленное тщеславие не заменило теологию диалектикой («*omnium nobilissimum ac sacratissimum studium... nisi illud vanitas nostra corrumpens jam de theologia dialecticam effecisset*»). В этой непримиримой борьбе, которую Петрарка вел против растлителей древнеримской культуры, он должен был порою надеяться на возвращение к отцам Церкви и латинскому красноречию, но в день, когда он увидел самого себя на границе двух народов, то не был народ Возрождения: люди, которых он видел, были варварами.

Как бы ни обстояло дело с настроениями Петрарки, но даже если допустить, что он надеялся на победу своих идей, его радикальное разграничение итальянского красноре-

чия и варварства парижских диалектиков полностью сохраняет свой смысл, и судьба этого разграничения достаточно хорошо известна. Там берет свое начало широко известная историческая тема «средневекового варварства». Историческая наука в конце концов приняла точку зрения итальянца XIV века относительно западной культуры пяти предшествующих веков. «*Sumus enim non Graeci, pop barbari, sed Itali et latini*»***, — заявлял Петрарка, и никто его не оспорит, задав вопрос, имел ли он право это говорить. Но кем будут впоследствии Эразм, Гроций и Бюде****, как не варварами? Тогда им понадобится изменить смысл термина. Когда идеи Петрарки найдут сторонников вне Италии, антитеза между варварством и «итализ-мом» должна будет непременно